

В.С. Сидорец

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
И КОНТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ВЕРБОИДОВ
В РОМАНЕ И.А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»**

Язык художественных произведений замечательного мастера русского слова И.А. Бунина давно привлекает внимание исследователей. При этом изучалась семантическая структура текстов писателя, текстообразующие свойства различных частей речи в бунинском повествовании, особенно имён прилагательных [1]. Почти не подвергались анализу глаголы, не получили освещения их коммуникативные эквиваленты – вербоиды, состоящие из десемантизированного глагола (в нашей терминологии – дериванта) и абстрактного по семантике именного компонента [2, 66]. Грамматическая инициатива в вербоидах может исходить как от десемантизированного компонента (*выражать поэтичность, давать отдых, делать поворот*), так и от именного (*ведется расследование, охватывает беспокойство, происходит перемена*). Именная часть, лексический центр вербоида, нередко включает в свой состав два слова: *оказывать парализующее действие, испытывать чувство любви*.

Роману «Жизнь Арсеньева», одному из самых значительных произведений русской классической литературы, И.А. Бунин посвятил свыше одиннадцати лет, начиная работу над ним с 1927 года. Как отмечал В.А. Афанасьев, «любовь, смерть, власть над душой человека воспоминаний детства и юности, очарование родной природы, тайны поэтического слова, долг и призвание писателя, его отношение к народу – эти и многие другие темы ставятся и решаются Буниным в «Жизни Арсеньева» с большой и покоряющей художественной силой» [3, 324].

Повествование в романе ведётся от одного лица – автора-рассказчика, который через призму своего видения мира раскрывает чувства, размышления, переживания, отразившиеся в его душе с первых осознанных воспоминаний детства до сентенций 24-летнего мужчины. Лейтмотивы

смерть и любовь, любовь и смерть попеременно чередуются в романе, и в конце концов на первое место выдвигается любовь как всеохватывающее и всепоглощающее чувство, перед которым смерть бессильна.

Как личное, основанное на различных фактах действительности, так и космическое, связанное с трансцендентальным восприятием мира, что составляет содержание романа «Жизнь Арсеньева», нашло оригинальное воплощение в его языке, представляющем органичный сплав функционально-семантических категорий, среди которых выделяется категория процессуальности [4, 143–148].

Важной составной частью этой категории является подсистема вербоидов, которые осуществляют различную количественную презентацию широкого диапазона типовых групп вербоидов. Под типовой группой подразумевается совокупность вербоидов, созданных с помощью одного десемантизированного компонента (дериванта) по одной модели, с одним деривационным значением [5, 72]: *вести деятельность (диалог, дискуссию, наблюдения, сев и др.)*; *давать анализ (вознаграждение, выговор, заявку, оценку и др.)*; *получать возможность (должность, известность, подтверждение, предложение и др.)*.

Наиболее распространены в романе вербоиды тех типовых групп, которые представлены деривантами *испытывать, вызывать, давать, иметь, чувствовать*; менее употребительны вербоиды типовых групп, возглавляемых деривантами *делать, получать, приводить в, приобретать, совершать* и др. Остальные группы представлены одним-тремя вербоидами: *выражать поэтичность (домоганье, сознание), внушать мысли (радость), питать уважение, таить тоску* и т.д.

Бунин часто использует вербоиды разной конфигурации: грамматически независимый деривант + грамматически зависимый именной компонент; грамматически зависимый деривант + грамматически независимый именной компонент. Например: «*Если писать о разорении, то я хотел бы выразить его поэтичность*» [6, 411]¹; «*Какой восторг возбуждало тогда даже в самой глухой провинции это имя*» [304]; «*Так неожиданно получил я ещё одно подтверждение своим замыслам покинуть Батурино*» [321]; «*После экзамена нам с отцом тотчас же сказали, что я принят и что мне даётся отпуск до первого сентября*» [240]; «*Но тут меня охватывало возмущение: да почему я обязан что-то и кого-то знать с совершенной полностью, а не писать так, как знаю и как чувствую!*» [408].

В романе «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунин весьма эффективно реализует потенциально заложенные в вербоидах разнообразные трансформации, обусловленные их специфической, отличной от глагола, прозрачной деривационной структурой, восходящей к структуре словосочетания. К числу наиболее распространённых трансформаций относится объединение двух или более вербоидов в структурно-семантический комплекс с одним деривантом. Использование таких конструкций позволяет писателю выразить самые «сущностные» факты объективного и субъективного мира: «*...осенью предстояло наше переселенье туда, которое втайне тоже всех радовало, как всегда радует человека перемена обстановки, связанная с надеждой на что-то хорошее или, может быть, просто с бессознательными воспоминаньями давнего былого, кочевых времён*» [237]; «*У меня оказалось две сестры, которых я тоже наконец осознал и по-разному, но одинаково тесно соединил своим существованием: я нежно полюбил смешливую синеглазую Надю, которая заняла свою очередь в люльке, и незаметно стал делить все свои игры и забавы, радости и горести, а порой и самые сокровенные мечты с черноглазой Олей, девочкой горячее, легко, как отец, вспыхивающей, но тоже очень доброй, чувствительной, вскоре сделавшейся моим верным другом*» [209]. «*Когда и как приобрёл я веру в бога, понятие о нём, ощущение его?*» [219]. Первый структурно-семантический комплекс – результат слияния вербоидов *связать с надеждой, связать с воспоминаньями*; второй – вербоидов *делить игры, делить забавы, делить радости, делить горести, делить мечты*; третий – вербоидов *приобрести веру, приобрести понятие, приобрести ощущение*.

Нередко И.А. Бунин осуществляет трансформацию вербоидов следующим образом: грамматически господствующая спрягаемая форма дериванта преобразуется в грамматически зависимую от именного компонента форму – согласуемого причастия. В таком случае также происходит концентрация внимания на определённом денотативном факте, запечатлевшемся в сознании писателя. При этом может происходить усиление эмоционально-экспрессивных акцентов в процессе восприятия данного факта путём помещения причастия в постпозицию с одновременным его обособлением: «*Я взглянул, прислушался – и быстро пошёл прочь со двора,*

¹ Далее ссылки на издание приводятся в тексте только с указанием страницы.

не чужа земли под собой от двух совершенно противоположных чувств: страшной, неповторимой катастрофы, внезапно совершившейся в моей жизни, и какого-то ликующего, победоносного торжества...» [323]; «Но была в этой грусти и большая тяжёлая радость, счастье наконец-то осуществившейся мечты, какой-то свободы и воли, деятельности, движения (к чему-то тем более заманчивому, что совсем ещё неопределённо было оно)» [339]; «На заглавном месте этой тетради ещё можно прочесть те немногие слова, что она написала, даря её мне, – с двумя ошибками, сделанными от волнения, поспешности, застенчивости» [452].

Для интенсификации коммуникативной значимости денотативного процессуального или статального факта И.А. Бунин привлекает вербоиды, у которых грамматическая инициатива идёт от именного компонента. Одни из них порождены контекстом, трансформировавшим вербоиды, имеющие в качестве грамматически господствующего десемантизированный глагольный компонент (деривант), другие существуют в системе языка как готовые единицы, воспроизводимые в речи: «И вот праздник наконец наступал, – ночью с субботы на воскресенье в мире совершался некий дивный перелом (совершать перелом. – С.В.), Христос побеждал смерть и торжествовал над нею» [229]; «Замолаживает – это слово употреблялось когда-то на винокурнях, и человек выпивший хотел им сказать, что в него вступает нечто молодое, радостное, что в нём совершается некое сладкое брожение (совершать брожение. – С.В.), некое освобождение (совершать освобождение. – С.В.) от рассудка, от будничной связанности и упорядоченности» [271]; «Каким счастьем были для меня балы, если на них не страдала моя ревность!» [390]; «Но охватывал такой страх опять даром потратить день, охватывало такое нетерпение как можно скорей – и нынче уже как следует! – засесть за стол, что я кидался к звонку, настойчиво гнал по коридору его зовущее дребезжание» [405].

Высокой степенью эмоционально-экспрессивной концентрации смысла отличаются те именные компоненты вербоидных трансформ, которые находятся в предикативной части, являющейся главной по отношению к той, придаточной, в которой употребляются дериванты с местоимениями, заменяющими именные компоненты главной части: «Как передать те чувства, что испытываешь в такие минуты, когда как бы воровски, кощунственно заглядываешь в старый пустой дом, в безмолвное и таинственное святилище его давней, исчезнувшей жизни!» [273]; «Мать в это время дала Богу, за спасение брата, обет вечного поста, который она и держала всю свою жизнь, вплоть до самой смерти, с великой строгостью» [273]; «Не могу больше видеть, как ты всё дальше и дальше уходишь от меня, не в состоянии продолжать переносить оскорбления, которые ты без конца и всё чаще наносишь моей любви...» [446]. Здесь также имеет место наложение именных компонентов вербоидов *передать чувства* и *испытывать что (чувства)*, *дать обет* и *держат который (обет)*, *переносить оскорбления* и *наносить которые (оскорбления)*, способствующие созданию максимального по эмоционально-экспрессивной насыщенности смыслового «сгустка».

Коммуникативной активизации подвержены в романе и глагольные компоненты вербоидов – дериванты: «Но никакого долга перед народом я никогда не чувствовал и не чувствую» [337]; «Она (жизнь. – С.В.) была ещё обвееяна грустью, но как-то удивительно быстро приходила в порядок, приобретая что-то особенно приятное вследствие тех перемен, которые в ней происходили и происходят» [298]; «Это чувство есть несомненная жажда бога, есть вера в него. В минуту осуществленья его торжества и его праведной кары оно повергает человека в сладкий ужас и трепет и разрешается бурей восторга как бы злорадного, который есть на самом деле взрыв нашей внешней любви к богу и к ближнему» [232].

В первом примере вербоид *чувствовать долг* претерпевает морфолого-парадигматические изменения темпорального характера, причём повторение дериванта в форме настоящего времени активизирует, делает значимее в коммуникативном отношении редуцированную внутреннюю форму или, используем термин А. Вежицкой [7, 201], семантический прототип «испытывать какое-либо физическое ощущение, состояние и т.п.» [8, 689]. Во втором – коммуникативная направленность вербоида с грамматически господствующим именным компонентом *происходят перемены* активизируется трансформой *перемен, которые* и двумя членами морфологической парадигмы дериванта – *происходили* и *происходят*. В третьем активизирована коммуникативная реализация вербоидов *осуществлять торжество* и *осуществлять кару* путём слияния двух вербоидных деривантов в один с трансформацией последнего через синтаксическую деривацию [9, 62] в девербатив. Определечивание глагольного признака, превращение его в своеобразную самодовлеющую субстанцию – широко распространённый в речи процесс, закреплённый системой языка. Этими свойствами обладают и дериванты – десемантизированные глаголы. Обретая статус

девербатива, деривант способен значительно активизировать результативный признак семантики вербоида. Бунин использует эту трансформационную возможность вербоидов. В качестве дополнительного элемента, усиливающего результативность денотативного факта, писатель употребляет девербатив-деривант в огласовке *осуществленье*, вместо *осуществление*, более жёстко заключая абстрактный по своему характеру процессуальный признак в отведённые ему грамматической предметностью рамки.

Рассмотренные вербоидные трансформы, список которых можно продолжить, раскрывают ёмкость, гибкость деривационно-семантической структуры вербоидов, их важную роль в конструировании бунинского повествования.

Несмотря на богатую систему вербоидов в романе, степень насыщенности его частей (глав) вербоидами различна. Так, из 107 глав романа одни отличаются достаточно широким употреблением вербоидов, другие – средним, третьи имеют один-два вербоида, четвёртые характеризуются их отсутствием.

Весьма плотной по насыщенности вербоидами является 12-я глава первой книги романа. В небольшую главу И.А. Бунин сумел вместить объёмное содержание, которого хватило бы на целый новый роман. Не останавливаясь на различных языковых средствах реализации и организации содержания (они многочисленны и своеобразны), отметим задающий всей главе тон смысловой стимул-зачин, который сообщает, что в ненастный, ледяной весенний день появился человек в сюртучке. Он, этот человек, *«оказался... действительно несчастным человеком, только совсем особого рода, то есть не просто несчастным, а создавшим своё несчастье своей собственной волей и переносившим его даже как бы с наслаждением, – оказался, словом, принадлежащим к тому ужасному разряду русских людей, который я, разумеется, понял как следует только впоследствии, в годы зрелости. Звали его Баскаковым, он происходил из богатой и родовитой семьи, был умён, талантлив и, следовательно, мог жить не хуже, если не лучше многих»* [222].

Вербоиды *создать несчастье*, и *переносить его (несчастье)* в функции коммуникативных эквивалентов причастий фактически являются смысловым ядром приведённого высказывания, раскрывают действительную, истинную сущность несчастья Баскакова, обусловленную свойствами его неординарной природы. Далее следует детализация противоречивого характера Баскакова в различных жизненных ситуациях, подчёркивается его *установившееся* кредо, которое чётко передаётся вербоидным комплексом *относиться* (к людям. – С.В.) с *презрением и ненавистью* [223]. Однако семью Арсеньевых, особенно Алёшу, Баскаков горячо полюбил и прожил в их имении три года.

Выразителем итогового эмоционально-экспрессивного «сгустка», завершением композиционно-смыслового рисунка первого абзаца является трансформированный вербоид *испытывать чувства* в последнем предложении: *«Он (Баскаков. – С.В.) стал моим воспитателем и учителем, и через некоторое время горячо привязался и я к нему, что и было источником многих сложных чувств, испытанных мною в близости с ним»* [223].

Во втором абзаце происходит дальнейшая активизация эмоционально-экспрессивных и смысловых акцентов повествования. Так, отмечаются истоки повышенной впечатлительности Алёши Арсеньева, роль Баскакова в этом. Здесь же, используя приём художественного противопоставления, И.А. Бунин тонко и точно раскрывает сущность противоречивой природы Баскакова, объясняя причины влечения к нему Алёши. Вполне естественной представляется сентенция, выраженная в вербоидном комплексе *поселять противоположные чувства и представления*, заключающем абзац: *«Но и в это время он (Баскаков. – С.В.) совершенно преобразился, завидя меня. Он тотчас же спешил ко мне навстречу, обнимал за плечо и уводил в поле, в сад или усаживался со мной в каком-нибудь уголке и начинал что-нибудь рассказывать, что-нибудь читать вслух, поселяя во мне самые противоположные чувства и представления»* [224].

Третий абзац фиксирует значительно интенсифицированную эмоциональную характеристику повествования, раскрывает, детализирует динамику опорных смысловых точек, узлов, заложенных в первом и во втором абзацах. Достаточно показательной в этом отношении является следующая часть третьего абзаца: *«А та противоположность чувств и представлений, которую он поселял во мне, происходила из того, что для своих рассказов он чаще всего избирал, совсем не считаясь с моим возрастом, всё, кажется, наиболее горькое и едкое из пережитого им, свидетельствующее о людской низости и жестокости, для чтения – что-нибудь героическое, возвышенное, говорящее о прекрасных и благородных страстях человеческой души, и я, слушая его, то горел от негодования к людям и от мучительной нежности к нему самому, столько от них пострадавшему, то млея, замирая от радостных волнений»* [224].

Здесь в числе других средств повествования особенно важную смысловую и конструктивную функцию выполняют вербоиды. Первый вербоидный комплекс *поселять противоположность чувств и представлений* является модификацией упоминавшегося вербоидного комплекса *поселять противоположные чувства и представления*, усиливающей конструктивно-логическую смысловую связь между абзацами 12-ой главы. В тексте анализируемый комплекс выражается трансформацией *«противоположность чувств и представлений, которую (он) поселял»*. Она позволяет писателю сконцентрировать внимание на именном компоненте *противоположность*, установить более тесную конструктивно-смысловую связь между главной и придаточной частями, развить в главной части семантику отмеченного именного компонента десемантизированным глаголом (деривантом) *проистекала*, способствующим, в свою очередь, порождению и конструированию текста.

Результативно-смысловой сгусток приведённого отрывка также реализуется через вербоидные комплексы: *гореть от негодования и от нежности; млет, замирать от радостных волнений*.

Не является исключением по использованию вербоидов и последний, четвёртый, абзац: *плентить мечтой, проникнуться чувством* и др. Распространённые зависимыми словами, они завершают эмоционально-смысловой и композиционный рисунок 12-ой главы.

Изучение системы неоднословных наименований процессуального или статального признака было бы неполным без освещения потенциальных возможностей вербоидов с позиции типовой группы. Среди типовых групп первое место по списку вербоидов (около 30) и по количеству их употреблений (около 36) занимает в романе группа, возглавляемая деривантом *испытывать*. Вербоиды с деривантом *испытывать* появляются на четвёртой странице, начинающей третью главу первой книги романа. В этой главе, состоящей из трёх абзацев-частей, если не считать небольшой абзац-предложение, предваряющий содержание главы, повествуется о шагнувшем из младенчества в детство Алёше Арсеньеве, его возрастающем интересе к окружающему миру.

Первый абзац начинается сообщением о предстоящем самом необыкновенном, с точки зрения Алёши, «путешествии» с отцом и матерью *«в ту заповедную страну, которая называется городом»*, когда он *«впервые испытал сладость осуществляющейся мечты, а вместе с тем и страх, что она почему-нибудь не осуществится»* [205]. Волнующее ожидание поездки завершается, тарантас направляется за ворота усадьбы в благоухающие поля. По бокам дороги густой дубовый кустарник, где, по мнению Алёши, пробирается старик-разбойник с топором. Потом перед ним предстаёт городское утро, блеск солнца, разливается *«какой-то дивный музыкальный кавардак: звон, гул колоколов с колокольни Михаила Архангела»* [206]. Причём сам собор воспринимается мальчиком настолько величественным, что встреча в зрелые годы с римским храмом Петра и пирамидой Хеопса уже не могли так поразить его воображение.

Всему содержанию этой части задаёт мощный тон и определяет последующее развитие повествования основательная признаковая сентенция, получающая реализацию в вербоидном комплексе с антонимичными именными частями – *испытать сладость и страх*, которые, в свою очередь, распространяются двумя трансформами вербоида *осуществлять мечту: осуществляющаяся мечта и она (мечта) не осуществится*. Как видим, здесь писателем отражены когнитивные ономастологические модели [10, 28], реализующие следующие пропозиции: 1) я мечтал; 2) тут я впервые испытал сладость (насладился) – 3) мечта осуществляется; 4) тут я впервые испытал страх (испугался) – 5) мечта не осуществится.

Смысловые элементы пропозиций, пройдя через абзац главы, реализуются и сосредоточиваются в первых двух фразах второго абзаца на более высоком витке повествовательной спирали, обретя структурно-семантическую модификацию в соответствии с содержанием этого абзаца и одновременно воздействуя на его конструирование: *«Всего же поразительнее оказалась в городе вакса. За всю мою жизнь не испытывал я от вещей, виденных мною на земле, – а я видел много! – такого восторга, такой радости, как на базаре в этом городе, держа в руках коробочку ваксы»* [206].

Вербоидный комплекс *испытывать восторг, радость*, являющийся экспрессивно-смысловым сгустком приведённого контекста, после нескольких эмоционально насыщенных фраз, передающих обострённые чувства Алёши Арсеньева, находит яркое продолжение: *«А потом были ещё две великие радости: мне купили сапожки с красным сафьяновым ободком на голенищах... ремennую плёточку с свистком в рукоятке... с каким блаженным чувством, как сладострастно касался я и этого сафьяна, и этой упругой ремennой плёточки! Дома, лёжа в своей кроватке, я истинно замирал от счастья, что возле неё стоят мои новые сапожки, а под подушкой спрятана*

плёточка» [206]. Эмоциональный динамизм, заложенный в вербойдном комплексе, нарастает вплоть до последних слов второго абзаца: «... вот теперь уже всё хорошо, лучшего в мире и не надо!» [206].

Весьма своеобразно начало третьего абзаца, которое, если обратиться к терминологии Вилема Матезиуса и его последователей, можно назвать темой абзаца: «Эта поездка, впервые раскрывшая мне радости земного бытия, дала мне ещё одно глубокое впечатление. Я испытал его на возвратном пути» [206]. Во-первых, здесь представлен итог предшествующего повествования, который был задан вербойдным комплексом с деривантом *испытывать* и всем остальным контекстом первых двух абзацев. Во-вторых, значение номинализации [11, 70–73] («эта поездка») получает логическое продолжение в вербойде *дала впечатление* с зависимыми от него словами. В целях акцентировки внимания на смысловом конденсоре *впечатление* Бунин «неожиданно» использует трансформу «испытал его» общевозвратного по семантике вербойда *испытать впечатление* («впечатлиться») [12, 5] в предложении: «Я испытал его (я «впечатлился» – С.В.) на возвратном пути». Это значительно усиливает интерес к рематическому контексту третьего абзаца, смысловые узлы которого следующие: «необыкновенно огромный и необыкновенно скучный жёлтый дом» – тюрьма: железные решётки на множестве окон, высокая каменная стена, окружавшая этот дом; наглухо запертые большие ворота в этой стене; человек за решёткой одного из окон – каторжник, вор, убийца с тусклым, тоскливым, тупым от покорности лицом и одновременно с выражением какой-то мрачной мечты. Всё это, пропущенное через призму детского восприятия Алёши Арсеньева, получило яркое, свойственное только И.А. Бунину художественное воплощение.

В целом третья глава первой книги отличается, пожалуй, наиболее интенсивным применением вербойдов с деривантом *испытывать*. Смысловые импульсы от главы ощущаются и на других страницах романа. Так, сконцентрированные содержательные элементы второго абзаца третьей главы явственно проступают в следующем контексте: «Бедная была эта радость (радость раннего детства. – С.В.), столь же бедная, как и та, что испытывал я от ваксы, от плёточки. (Все человеческие радости бедны, есть в нас кто-то, кто внушает нам порой горькую жалость к самим себе)» [210]. Мысль о старике-разбойнике с топором находит модифицированное выражение в тексте второй главы второй книги: «Большая дорога возле Становой спускалась в довольно глубокий лог, по-нашему, верх, и это место всегда внушало почти суеверный страх всякому запоздавшему проезжему, в какое бы время года ни проезжал он её, и не раз испытал в молодости этот чисто русский страх и я сам, проезжая под Становой. ... Становлянский верх славился больше всех. Ночью возле него всегда невольно замирала душа... Всё представлялось: глядь, а они и вот они – не спеша идут наперерез тебе, с топориками в руках, туго и низко, по самым кострецам, подтянутые, с надвинутыми на зоркие глаза шапки...» [247].

Вербойды, их трансформы нередко берут на себя главную роль в передаче самых острых, самых глубоких чувств и переживаний. Особенно это касается вербойдов с деривантов *испытывать*: «Выехал я в такой тесноте и мерзости, каких я ещё никогда не испытывал в ночном почтовом вагоне, прямо страшном своей длиной» [350]; «Она говорила, что принимает ухаживания Богомолова только ради отца, ради того, чтобы не обижать его резким отношением к Богомолову, и я всячески крепился, делал вид, что верю ей, даже заставлял себя бывать на этих репетициях, стараясь скрывать таким образом свою тяжкую ненависть и все те другие мученья, которые я испытывал на них: я не знал, куда глаза девать и от стыда за неё, за её жалкие попытки «играть» [394]; «Я везде испытываю тоску или страх. У меня до сих пор стоит перед глазами и то, что я видел недели две тому назад... Я случайно зашёл в одну небольшую церковь... и замер: три восковых свечки, прикреплённые к изголовью детского гробика, печально и слабо освещали этот розовый с бумажными кружевными краями гробик и смуглого круглолобого ребёнка, лежащего в нём» [411].

В конце романа сообщается о болезни и смерти Лики, возлюбленной Алексея Арсеньева, и о её предсмертном желании скрывать это от него как можно дольше. Весьма символична заключительная фраза романа, представляющая смысловой ступок, итог – торжество любви над смертью: «Я видел её (во сне. – С.В.) смутно, но с такой силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда» [452]. Семантическим каркасом здесь является двойная трансформа вербойдов *испытывать любовь*, *испытывать радость*, *испытывать близость*. Во-первых, они объединены с помощью дериванта *испытывать* в один структурно-семантический комплекс; во-вторых, осуществлён его раздел: именные компоненты сосредоточены в главной части предложения, а заместитель именных компонентов местоимение «которой» и деривант – в придаточной.

Рассмотренные примеры использования вербойдов свидетельствуют, что эти коммуникативные эквиваленты глаголов – естественные элементы повествования. Благодаря

заложенным в них системой языка потенциальным трансформациям, вербоиды способны передать тончайшие процессуальные и статальные ситуации, выразить такие движения мысли, которые глаголы материализовать не могут.

И.А. Бунин использует структурно-derivационные, семантические и дистрибутивные возможности этих дискретных единиц по максимуму в соответствии со своим природным даром замечательного мастера русского художественного слова, удивительно глубокого аналитика самых сокровенных человеческих чувств, переживаний, размышлений.

Литература

1. Сидорце В.С. В поисках точного слова // Русская речь. – 1979. – № 5. – С. 27–29; Сидорце В.С. Качественное наречие как компонент адъективного словосочетания в прозе И.А. Бунина // НДВШ. Филол. науки. – 1988. – № 1. – С. 69–72; Сидорце В.С. «Лишь слову жизнь дана...» // Русский язык в школе. – 1990. – № 4. – С. 59–61; Сидорце В.С. Из секретов художественного мастерства И.А. Бунина: На материале прилагательных // Русская словесность. – 2002. – № 6. – С. 58–62 и др.
2. Сидорце В.С. Современные восточнославянские неоднословные наименования действия с десемантизированным компонентом в системно-функциональном сопоставительном аспекте // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 66–78.
3. Афанасьев В.А. И.А. Бунин. Очерк творчества. – М.: Просвещение, 1966
4. Сидорце В.С. Аспекты исследования неоднословных наименований действия в восточнославянских языках // Е. Карский и современное языкознание: Материалы 6-х научных чтений. – Т. 1. – Гродно: Изд-во Гродненского госуниверситета, 1996.
5. Сидорце В.С. Неоднословное наименование действия у восточных славян – избыточность или необходимость. – Мозырь: МозГПИ им.Н.К. Крупской, 1993.
6. Бунин И.А. Избранная проза. – Минск: Маст. літ., 1986.
7. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996.
8. Словарь русского языка: В 4 т. – Т. 4. – М.: Русский язык, 1984.
9. Курилович Е. Дериwация лексическая и дериwация синтаксическая // Очерки по лингвистике. – М.: Изд-во иностр. литературы, 1963.
10. Селиванова Е.А. Когнитивная ономазиология. – Киев: Фитосоциоцентр, 2000.
11. Арутюнова Н.Д. Предложение и смысл. – М.: Наука, 1976.
12. Сидарэц В.С. Неаднаслоўныя дзеяслоўныя намішанты як сродак рэалізацыі станавых значэнняў у сучасных усходнеславянскіх мовах // Беларуская лінгвістыка. Вып. 23. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983.

Summary

Semantic feeling, structural abilities, context-making functions of verboids (multiword names of action with a desemantised component) in Bunin's "Life of Arseniev" are researched. Potential structural-semantic characteristics of verboids, their ability to transfer such processual-statal situations that cant be materialized by verbs are studied.